

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О ДУХЕ ПАРТИЙ; О
ЛИТЕРАТУРНОЙ
АРИСТОКРАТИИ

Петр Андреевич Вяземский

О духе партий;

о литературной аристократии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24501744

Аннотация

«Если верить некоторым указаниям, то в литературе нашей существует какой-то дух партий; он силится восстановить какую-то аристократию имен. Указания эти повторяются отголосками журнальными; но нигде не объясняются убедительными доказательствами, а мнения без ясных улик остаются предубеждениями, предрассудками, не заслуживающими веры. Литература наша ограничена таким малым числом действий и действующих лиц, так еще молода, что смешно искать в ней явлений литератур обширных, многолюдных и достигнувших зрелого возраста...»

Содержание

I	4
II	10

Петр Вяземский

О духе партий; о литературной аристократии

I

Если верить некоторым указаниям, то в литературе нашей существует какой-то дух партий; он силится восстановить какую-то аристократию имен. Указания эти повторяются отголосками журнальными; но нигде не объясняются убедительными доказательствами, а мнения без ясных улик остаются предубеждениями, предрассудками, не заслуживающими веры. Литература наша ограничена таким малым числом действий и действующих лиц, так еще молода, что смешно искать в ней явлений литератур обширных, многолюдных и достигнувших зрелого возраста. Известное слово о бурях в стакане воды может быть применено и здесь. Впрочем, встречаются такие охотники до бурь, что они рады искать их и в стакане, помня пословицу, что хорошо ловить в мутной воде. У нас можно определить две главные партии, два главные духа, если непременно хотеть ввести меж-

доусобие в домашний круг литературы нашей; можно даже означить их двух родоначальников: Ломоносова и Тредьяковского. К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы бесталанные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслием и сочувствием? Мудрено ли, что Расин, Мольер, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вероятно, связь их духом партии, заговором аристократическим. Но дело в том, что потомство само пристало к этой партии и записалось в заговорщики. Державин, Хемницер и Капнист, Карамзин и Дмитриев, Жуковский и Батюшков, каждые в свою эпоху современники и более или менее совместники, были также сообща главами тайного заговора дарования против дюжинной пошлости, вкуса против безвкусыя, образованности против невежества. Такие естественные, необходимые по законам нравственной природы, союзы утешительны и назидательны. Они заключаются не в силу обдуманного договора с его гласными и негласными статьями. Эти союзы делаются сами собою. Карамзин и Дмитриев были друзьями и, так сказать, основателями новой школы, единомышленниками, единоверцами, исключительно потому, и просто потому, что один был Карамзин, а другой был Дмитриев. И так далее. Знаем, что для иных утешительнее было бы видеть раздор между людьми, коих соединило само провидение, освятив их печатью благородства и избрав их орудиями благоволения своего к челове-

честву; но, по счастью, события не оправдывают злонамеренных упований завистливой посредственности. Союз людей, возвышенных по своим дарованиям и нравственности, скреплен и освящен самою природою: они – союзники, а противники – их сообщники. Сообщество сих последних неверно, непрочно, как страсти, личные выгоды, расчеты корысти, служащие зыбким основанием сим случайным сделкам. Если и были примеры, что возвышенные литераторы современные враждовали между собою и неприязню своею утешали тайных ненавистников своих, то примеры, по счастью, довольно редки. Можно сказать решительно, что у нас их не было. Распри Ломоносова с Сумароковым не идут к делу. Сумароков был раздражительное дитя; к тому же в нем был ум, но не было гения; следовательно, он мог и не постигать высоты соперника своего. А в другом отношении он в Ломоносове не столько поэта, сколько преобразователя языка ненавидел. Грамматический старовер, он чуждался, страшился новизны, как ереси; а где вмешается раскол, там рассудок и чувство побеждаются предубеждением. Кроме сего исключения, которое, впрочем, не совсем безусловно, у нас между литераторами возвышенными господствовало согласие, не возмущенное печальными расстройками. Сойдите с высоты, на которой являются они взорам нашим, сойдите на широкое поприще, усеянное толпами, – и тут вы найдете непрерывную сшибку мелких страстей, мелких личностей, мелких выгод. Не говорим уже о несостоятельности от-

ношений сих задорных ммрмидонов к лицам, которые стоят на вершине для них недостижимой, к лицам, пред которыми они повергаются то на колени, то в забавном напряжении кидают перед ними детскую свою рукавичку: нет! следуйте за движениями их отдельных и частных междоусобий, читайте журналы, сии обличительные хроники анархической литературы нашей, в коих написанное за год, за неделю, в явном противоречии с написанным сегодня, в которых вчерашний враг готовится в завтрашние друзья, и наоборот, и вы увидите, на которой стороне заводятся партии, заключаются и расстроиваются союзы. Мы уже сказали: разумеется, есть аристократия дарований. Природа действует также в смысле некоторого монархического порядка: совершенного равенства не существует нигде. Она также дарует законные преимущества в мире физическом и нравственном: рождаются силачи и хилые, стройные и горбатые, красавцы и уроды, умные и глупые, писатели и писачки, поэты и рифмоплеты. Природное, нравственное достоинство есть неотъемлемая собственность первых; но превратность судеб человеческих часто ниспровергает в действиях последствия непреложных начал. Случалось иногда горбатому быть счастливым соперником красавца у своенравной женщины; иной расслабленный имеет свою минуту торжества над силачом, и так далее. Лукавство, пронырство, ничем не возмущаемое упрямство, никакими средствами не пренебрегающая дерзость вырывали иногда случайную победу из рук менее

деятельного, более бескорыстного достоинства. И те, которые у нас более других говорят об аристократическом союзе, будто существующем в литературе нашей, твердо знают, что этот союз не опасен выгодам их, ибо не он занимается текущими делами литературы, не он старается всякими происками, явными и тайными, овладеть источниками ежедневных успехов и преклонить к себе если не уважение, то благосклонность, которая гораздо податливее первого. Уважение какая-то сила скрытная, она оказывается медленно и без шума, растет и зреет со временем; благосклонность нетерпеливее, она действует необдуманно, плод минуты, она и пожинаяется минутно. Справьтесь с ведомостями нашей книжной торговли и вы увидите, что если одна сторона литературы нашей умеет писать, то другая умеет печатать, с целью скорее продать напечатанное. А это уменье род майората, без коего аристократия не может быть могущественна. Мы живем в веке промышленности: теории уступили поле практике; надежда – наличным итогам. Видя, что многие худые книги удаются, то есть сбываются лучше иных хороших, несправедливо было бы искать тому причины в одном неразумии публики. Невинность публики идет своим чередом; но воздайте и каждому свое: припишите часть успехов сноровке и ловкости писателей. Некоторые из них были уже заранее провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Например, «История русского народа» и «Иван Выжигин», сии книжные близнецы нашего времени, сии Иван и

Марья в царстве литературного прозябения, имели гораздо более расхода, чем несколько других творений, заслуживающих истинное уважение. Таким образом, литературной промышленности, которая есть существенная аристократия нашего века, нечего по-пустому заботиться и кричать о так называемой аристократии, которая чужда оборотов промышленности.

II

Двуличность мыслей порождает двусмысленность выражений, которое не что иное, как бессмыслие, когда оно не умышленно и не искусственно. Эта двоякость в словах обыкновенно заметна в людях, худо владеющих даром слова изустного или письменного. Желая прикрыть свою мысль, для свободного пропуска, они вдаются в уловку – и тут и ждет их неудача. Язык или перо их подвертывается под расслабленную мыслью и, метя в одно, попадают они в другое. Но чаще всего удар их разражается на воздухе или действует обратно на них самих. Беда умничать тем, которым умничанье не далось. Для объяснения сказанного нами ссылаемся еще раз на повторяемые нападки некоторых журналов на так называемую литературную аристократию. Можно, зная противников своих, догадываться, на кого и во что они метят, но, стоя у цели, никак не видим, чтобы удары их достигали ее. Дело в том, что им нельзя сказать то, что у них на уме, и нет в них достаточно искусства, чтобы пособить своему бессилию.

Что можно подразумевать у нас под литературного аристократиею?

Имеем два возможные истолкования сему выражению. Исследуем их одно за другим.

Идет ли дело о том, что некоторые из коренных дворян

наших занимаются литературою, что некоторые из сановников наших были первоклассными писателями, что, например, князь Кантемир, Державин и Дмитриев были министрами, что иные из писателей и нашего поколения, по рождению своему, по обстоятельствам, по образованию, полученному от европейского и утонченного воспитания, стоят на высшей степени русского просвещения, а вместе с тем и на высшей степени русского общежития, что им доступны равно и места служебные, и ученые общества, и гостинные обеих столиц и столиц европейских, что имена их встречаются с честью и в царских указах, и в статьях журнальных, и в учебной книге г-на Греча, и даже в нарядных альбомах светских красавиц? Но тут, кажется, нет ни малейшего повода к порицанию. Что худого, что, например, творец «Недоросля» носил при имени своем аристократическую частичку фон, имел право быть воспитан в университетском благородном пансионе, что, возмужав, был он в связи с Чернышевыми, с Паниными, с Булгаковыми, имел способы объездить несколько раз Европу и был вместе писателем и светским человеком? Что худого, что Карамзин был не только лучшим писателем нашим, но рождением, образованием и навыками всей жизни своей принадлежал всегда вершине лучшего общества, был собеседником и приятелем государственных мужей и вельмож наших, что из ученого кабинета своего переходил он к царскому столу, что в беседе его находил удовольствие император Александр, который, мимо царско-

го величия, по утонченной вежливости и вообще атицизму нравов своих и обхождения, слыл в просвещенной Европе одним из самых благовоспитанных людей современной эпохи? Неужели «История», им писанная, тем виновата, что и он был человек благовоспитанный, что по связям с государственными сановниками имел он более способов изучать людей и дела, вернее судить о прошедшем по удобству видеть вблизи настоящее. Неужели вследствие того «История» его должна быть хуже, чем, например, «История русского народа», рожденная в конторе «Московского телеграфа», и двойчатка журнала парижских чепчиков и венских колясок? Неужели некоторым участникам «Литературной газеты» теперь не дают пропуска на Парнас, как сказано в «Телеграфе», потому только, что они помещики и что они у места в высшем круге нашего общества? Давно ли имя благородного и благовоспитанного человека сделалось у нас укоризною и поводом к исключению? В каком литературном уложении сказано, что ныне истинному дарованию должно ездить на извозчике, взятом с биржи, а не в карете четвернею? Высший класс в государстве всегда должен быть уважен: того требует политический порядок; а образованный класс в народе, будь он высший, средний или нижний, равно достоин уважения; у нас же высший класс есть и образованнейший. Есть в этом случае исключения, но, верно, большинство не на их стороне. Хорошо и почтенно образоваться самоучкою или выучиться многому на медные деньги, но не должно преда-

вать осмеянию тех, которые, по милости божией, воспитаны были на золотые или хотя на ассигнационные, потому что в этом ничего нет смешного. Нападать на безграмотность аристократии нашей, или дворянства, несправедливо, ибо одно это звание у нас и грамотное. Ссылаясь на биографические словари Новикова и Греча, мы укажем, что большая часть писателей наших принадлежала аристократии, то есть званию, пользующемуся преимуществами, дарованными дворянству: следовательно, в России выражение литературная аристократия нимало не может быть нареканием, а напротив, оно похвальное и, что еще лучше, справедливое нарицание. Дворянские гостиные наши также не вертепы мрака и невежества: они соединяют нас с образованною Европою; в них читаются русские и чужеземные книги; в них иностранные путешественники, каковы: Гумбольдт, г-жа Сталь, Статфордт Кавинг, граф Сегюр находят сочувствие и соответствие своим понятиям; в них раздаются отголоски европейского просвещения, в них, а не в домах купеческих, не в жителях мещан, ремесленников наших. Разумеется, доля исключений и здесь идет в счет, но мы должны иметь в виду одни общие итоги.

По ком знает и судит нас Европа, по ком признает нас народом, скоро догнавшим народы, временем нас опередившие? По тем же аристократам, к коим должна принадлежать и литературная аристократия и которые, начиная от князя Кантемира до наших современников, были с честью

и блеском представителями русского дворянства в кабинетах Монтескье, Вольтера, Шатобриана и в гостиных лучшего общества во всей силе и в просвещенном значении слова сего. Демократические нападки на наши аристократические гостиные также несправедливы и неблагодарны, как были бы жалобы на дух притеснительный нашего духовенства, на его нетерпимость, гонение наук и просвещения, потому что французские философы XVIII века имели право жаловаться на дух притеснительный членов западной церкви. Не довольно либеральничать, должно еще либеральничать с толком и совестью; а не то либеральные понятия будут тем, чем их назвал некто: завиральные.

Дворянство не дает дипломов на ум и просвещение, но не есть же оно синоним глупости и невежества. Ведь вы не говорите, что такая-то литературная школа дурна, что писатели такой-то эпохи, такого-то рода не стоят уважения. Вы говорите о литературной аристократии: все дело, вся мысль ваша, если она есть, заключается в слове аристократия, в слове аристократ. От этой улики нельзя отвернуться никакими умствованиями, никакими грубостями, никакими камнями, что ни кидайте их прямо в лоб противникам своим, что, между прочим, вовсе не аристократический и не литературный способ возражать на мнения противоречащие. Но это в сторону: у литераторов-не аристократов, или, вернее, у не литераторов-не аристократов может быть своя полемика, и, как видите, полновесная.

Повторяем: звание аристократа, а особливо же в монархии, не хуже другого; ругаться им неприлично, равно как и всяким другим. Каждое звание, как часть государственного общества, имеет свое относительное достоинство. Когда начали у нас упрекать одного писателя купеческим званием его, то нынешние же так называемые аристократы выставили на позор несообразность и непристойность подобных упреков. Дело не в звании, в котором родимся: «On ne se choisit son pere»¹, как говорит Ламот в оде своей к Руссо, но в том, как носишь свое звание. И дворянин дворянину, и купец купцу розница. Есть и дворяне, которые дворяне по одной грамоте, и купцы, которые купцы по одной гильдии. Не довольно быть записанным в купечество, но для приобретения уважения должно еще чем-нибудь торговать, и торговать честно, быть деятельным участником в торговых оборотах, споспешествующих промышленности народной, богатству государственному; но купец, например, торговавший бы одним своим пером или открывавший подписки на книги еще не написанные, был бы не лучше и не хуже дворянина, который в глуши деревни своей обирает крестьян своих и оплетает соседей.

Что означает слово аристократия, но греческому корню своему? Правление, составленное из некоторого числа людей мудрых и могущих, одним словом, именитых. До Французской революции слово аристократ никогда не бывало на-

¹ Отца себе не выбирают (*фр.*).

именованием поносительным. В эту эпоху оно, как и многие другие слова, было превратно перетолковано парижской чернью.

Но нельзя же нам ссылаться на лексикон безграмотных крикунов и свято держаться определений его. Нельзя не сознаться, что неуместно и неблагонравно брать у чужого народа, и особливо же из совершенно чуждой эпохи, выражения, служившие некогда орудиями ослепленных и ожесточенных страстей, и применять их там, где нет им положительного и добросовестного смысла, где весь смысл их только относительный, и то еще в каких отношениях. Смешно, но извинительно, когда русский историк передразнивает наобум, наугад понятия, соображения и язык Гизо или Тьера, когда он кроит нашу историю по чужим вырезкам, привыкнув в звании своем журналиста мод одевать нас по парижским покроям, но из подражания или из того, что сказать что-нибудь хочется, а сказать от себя не сумеет, заводить у нас и чужеземную терминологию, запятненную в свое время не одною грязью, оно хотя и смешно, но не извинительно. Спешим сказать, что мы в обвиняемых нами умысла не ищем и указываем на одно действие. Знаем неведение противников наших: оно во многом не лукавое и часто умилительно своею младенческою безответственностью; знаем, что многим из них, что никому столько, сколько г-ну Полевому, не позволено сказать в оправдание свое: перо мое – враг мой. Но все же есть мера и неведению и невинности. Мало ли что

ребенок больной или слепец могут сделать несообразного с общим порядком: но на них есть дядьки, сестры милосердия и вожатые. Говорите, что стихи, что проза князя такого-то не хороши: мнения в этом случае свободны и вкусы независимы. Вы, может быть, и правы; но оставьте княжество его в стороне. Не говорите о нем языком неприличным: разве княжество его стихами записано в родословную книгу и стихи его копия с дворянской грамоты? Ибо князь такой-то, лицо, который умеет пренебрегать личностями людей, которых он ни в каком случае не может признавать судиями над собою, к тому же князь такой-то может быть и достоин порицания; но княжество его – достоинство, записанное в родословной книге кровью предков его и которое он обязан передать чистым потомкам своим, и потому оно должно быть недоступно перу журналиста.

1830